

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

УДК 93

Александр Печерский свидетельствует: неизвестные страницы истории концлагеря Собибор

Лев Семенович Симкин

Российская правовая академия, Россия
Доктор юридических наук, профессор

Аннотация. Впервые публикуется материал допроса, в качестве свидетеля, руководителя восстания в немецком концентрационном лагере Собибор – Александра Ароновича Печерского в период Второй мировой войны. Уделено внимание повседневной жизни в концентрационном лагере. Дополнена картина организации восстания.

Ключевые слова: Александр Печерский; концентрационный лагерь; Собибор; Вторая мировая война; евреи.

Предваряя первую публикацию неизвестного историкам документа об одной из трагических страниц Второй мировой войны, не будет лишним дать к нему несколько предварительных пояснений. Александр Печерский – организатор восстания в Собиборе, одном из лагерей смерти, созданных на территории Польши для «окончательного решения еврейского вопроса». 14 октября 1943 года под его руководством участникам восстания удалось уничтожить большую часть находившихся в зоне лагеря эсэсовцев, после чего сотни заключенных бежали из лагеря, и многие из них выжили. Другие прецеденты успешных восстаний в немецких концлагерях истории неизвестны, потому каждое свидетельство об этом уникальном эпизоде войны представляет немалый интерес.

О Собиборе существует обширная литература, отечественная и зарубежная. На первый взгляд, все случившееся там всесторонне изучено, тем более, что сам Александр Печерский не раз делился воспоминаниями, и устно, и письменно. Но это не совсем так. Скажем, известно, что он выступал свидетелем на состоявшемся в Киеве судебном процессе над одиннадцатью охранниками Собибора – так называемыми «травниками». Об этом сообщается едва ли не во всех публикациях, посвященных Собибору, часто с указанием на то, что Печерский был на том процессе главным (или основным) свидетелем. В действительности же, как выяснилось после обнаружения обнаруженных здесь документов, дело обстояло не совсем так: суд состоялся годом раньше, в марте 1962 года, да и роль Печерского в нем сильно преувеличена. Ошибка же вызвана тем, что сам процесс был

закрыт для публики, и первое и единственное о нем сообщение в печати случилось лишь в апреле 1963 года¹.

Между тем материалы уголовного дела по обвинению Эммануила Шульца (он же Вертоградов), Филиппа Левчишина, Сергея Василенко и других (всего одиннадцать человек) в преступлениях, предусмотренных статьями 56 Уголовного кодекса Украинской ССР («измена Родине») рассекречены и доступны исследователям в архиве СБУ в Киеве. И, кроме того, их полная копия имеется в библиотеке Музея Холокоста в Вашингтоне. Именно там, перелистывая на дисплее бесчисленные страницы скопированных в украинских архивах уголовных дел, в одном из них я наткнулся в списке свидетелей на фамилию «Печерский», после чего стал внимательно читать все 36 пухлых томов.

На обложке каждого тома – указание органа, проводившего расследование: КГБ при Совете министров Украинской ССР, и еще слова: «начато 17 февраля и окончено 17 ноября 1961 года». Окончание дела в данном контексте означало завершение предварительного расследования, после чего дело было передано в военный трибунал Киевского военного округа. Судебный процесс проходил в марте 1962 года и завершился вынесением всем подсудимым смертного приговора (впоследствии один из них – Иван Терехов – был помилован, смертная казнь ему была заменена пятнадцатью годами лишения свободы).

Согласно обвинительному заключению, выводы которого повторены в приговоре, все они, «являясь военнослужащими Советской Армии, были в 1941–1942 гг. пленены немецкими войсками, помещены в лагеря для военнопленных и, изменив Родине, перешли на службу к врагу и прошли специальную подготовку в учебном лагере в м. Травники, после чего приняли присягу на верность службы немецко-фашистскому командованию и в 1942–1943 гг. приняли активное участие в массовом истреблении граждан в Треблинском и Собиборском лагерях смерти».

Судебные процессы над вахманами (охранниками), прошедшими подготовку в учебном лагере СС, расположенном, как написано в судебных документах, в «м. (то есть местечке) Травники», начались в Советском Союзе в 1944 году, вскоре после того, как в руки СМЕРШ попали трофейные документы – списки всех обучавшихся там курсантов и бумаги о направлении их охранниками (вахманами СС) в концлагеря и лагеря смерти. Армейская контрразведка, а затем органы государственной безопасности отлавливали и отдавали под суд людей из этих списков вплоть до восьмидесятых годов прошлого века. По данным исследователя С. Кудряшова, с 1944 по 1987 год в СССР состоялось свыше 140 процессов над охранниками концлагерей². Возможно, таких процессов было значительно больше, поскольку многих охранников судили дважды.

Первая волна судов над ними прошла во второй половине 40-х годов, судили их за «пособничество немецко-фашистским злодеям», причем подсудимые, как правило, отрицали свое непосредственное участие в массовых убийствах людей, а следователи в потоке однотипных дел не слишком усердствовали в поиске доказательств. Между тем для обеспечения охраны концлагерей из Травников постоянно выделялись команды, в обязанности которых входили охрана внешнего и внутреннего периметра лагеря и наблюдение за поведением узников со смотровых вышек, они также загоняли людей в газовые камеры, расстреливали больных и проч.³

В 1960-е гг. началась вторая волна процессов над «травниками». Многие из тех, кто уже успел побывать под судом, были вновь привлечены к уголовной ответственности. Первый раз их обвиняли в службе у немцев как таковой, а второй – в участии в уничтожении заключенных в лагерях смерти. Киевский процесс 1962 года относился к числу последних.

В двух томах дела хранятся протокольные записи свидетельских показаний Печерского. Наиболее полные из них даны на предварительном следствии, а потом коротко повторены в судебном заседании. Для опубликования, естественно, избраны первые из них, в том числе потому, что запись следователя (допрос продолжался целый рабочий день) куда более полно отражает сказанное Печерским, нежели фрагментарная запись, сделанная секретарем трибунала в протоколе судебного заседания⁴.

¹ «Красная звезда» от 13.4.1963 С. Андриевский. Страшная тень Собибура.

² См. С. Кудряшов. Травники. История одного предательства. «Родина», № 12, 2007.

³ См. Д. Жуков, И. Ковтун. Русские эсэсовцы, М., Вече, 2010

⁴ Мемориальный музей Холокоста (United States Holocaust Memorial Museum) в Вашингтоне. Единица хранения RG-31.018M.0064.00000526.

Читатель, незнакомый с процессом уничтожения людей в нацистских лагерях смерти, сможет после чтения представить себе всю эту ужасную картину. Исследователь, занимающийся темой Собибора, обнаружит новые, ранее неизвестные детали. К их числу, в частности, относится не описанный в литературе эпизод разговора Печерского с охранником родом из Ростова. По-видимому, благодаря ему Печерский понял, что рассчитывать можно только на свои силы – первоначально он планировал вовлечь вахманов в подготовку восстания. Объяснялось это тем, что многие из них имели сходный военный опыт, прошли лагеря для военнопленных страшной осенью сорок первого и зимой сорок второго и пошли на службу к немцам, дабы спастись от голода. Известны случаи побегов охранников лагерей к партизанам. Тем не менее узники-соотечественники вовсе не казались им такими же попавшими в беду советскими людьми, а чужими. Возможно, сказывался антисемитизм вахманов, в том числе благоприобретенный на политзанятиях в Травниках. Даже во время восстания, в общей суматохе, после того как немцы в основном были перебиты, охранники стреляли в бежавших заключенных, и никто из них не присоединился к восставшим, не покинул лагерь вместе с ними.

Небезынтересно и упоминание в протоколе допроса Печерского о переданной охраннику взятке – плате за молчание. Судя по всему, коррупция в лагере процветала, что же касается золота, то его и вправду там было немало. Люди, свезенные со всей Европы, имели при себе припрятанные драгоценности, и после их уничтожения ценностями распорядились убийцы. Причем далеко не все отправлялось в Германию, часть присваивалась немцами, что-то удавалось утаить сортировщикам вещей из рабочих команд, а какую-то часть награбленного крали вахманы. Известно, что коменданты лагеря не раз безуспешно пытались пресечь несанкционированное воровство – «деньги принадлежат рейху».

Уверен, что введение в научный оборот показаний Александра Печерского позволит исследователям найти и другие неизвестные стороны известных событий в Собиборе.

Документ

Протокол допроса г. Киев 11 августа 1961 г.

Следователь след. отдела КГБ при СМ УССР ст. лейтенант Логинов допросил в качестве свидетеля Печерского Александра Ароновича, 1909 года рождения, уроженца г. Кременчуг, еврея, гр-на СССР со средним образованием, беспартийного, работающего мастером цеха завода «Ростметиз», проживающего в г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, д. 121, кв. 4.

Допрос начат в 10 ч. 30 минут.

Обязанность свидетеля давать только правдивые показания мне разъяснена, об уголовной ответственности по ст. ст. 178, 179 УК УССР предупрежден.

Вопрос: Находились ли вы когда-либо в нацистском лагере смерти Сабибур?

Ответ: Да, с 22 сентября по 14 октября 1943 года я содержался в организованном немцами лагере смерти Сабибур, который назывался таким образом потому что, как я думаю, он был расположен неподалеку от ст. Сабибур. В октябре 1941 года в районе г. Вязьма наша часть, в которой я служил в период Отечественной войны, была окружена и я попал в плен к немцам. Содержался я в лагерях военнопленных в городе Вязьма, Смоленске, Борисове и Минске. В Минске немцы узнали, что я являюсь евреем по национальности, и я был направлен в Минский СС-арбайтлагерь, где содержались евреи и русские, которых направляли туда за связь с партизанами, отказ от работы и другие подобные действия, где я находился около года вплоть до отправки в лагерь Сабибур. В Сабибур из минского лагеря вместе со мной было направлено около двух тысяч человек. Это я знаю потому, что перед построением нас пересчитывали, вечернее построение было перед погрузкой нас в эшелоны, и вот тогда-то нас пересчитывали. В вагоны нас сажали товарные и в каждый из них набивали по 70–80 человек, так, что в вагоне мы могли только стоять, вплотную прижавшись друг к другу, и только некоторые могли присесть на корточки. Везли нас до Сабибура в течение трех дней и за это время вагоны ни разу не открывали, пищи и воды не давали.

После прибытия на ст. Сабибур часть вагонов отцепили и повезли нас в тупик лагеря Сабибур. И здесь из числа прибывших немцы отобрали человек восемьдесят наиболее здоровых в физическом отношении людей, которых они затем использовали на различных работах в лагере, в основном на строительстве барачков. В число отображенных попал я и еще

несколько бывших военнослужащих Советской Армии. Всех остальных прибывших совместно с нами людей из Минского СС-арбайтлагеря, как я узнал позже, уничтожили.

Вопрос: Расскажите все, что вам известно о лагере смерти Сабибур и об уничтожении в этом лагере людей.

Ответ: Лагерь Сабибур был расположен на местности, со всех сторон окруженной лесом. Он был огорожен высоким забором из колючей проволоки, высота которого достигала трех метров, а со слов солагерников я знал, что за проволочным ограждением, окружавшим лагерь, была полоса заминированной местности. Вокруг лагеря располагалось несколько вышек, на которых стояли часовые, охранявшие лагерь. Весь лагерь, насколько мне было известно, разделялся на четыре части. В первой части находились бараки, в которых проживали люди, использовавшиеся на различных работах в лагере Сабибур. Эта часть располагалась неподалеку от тупика железной дороги, находившегося на территории лагеря. Бараки, в которых мы проживали, были окружены проволочным ограждением, и всего там было семь бараков. В нескольких там жили люди, которых там было до пятисот человек, а в остальных находились пошивочные, сапожные мастерские, кузница, столярская мастерская и другие подобные помещения, где работали содержащиеся в лагере люди. Помещения, в которых мы проживали, отдельно не охранялись, однако когда нас водили на работу в четвертую зону лагеря, то нас охраняли русские и украинцы, вооруженные винтовками под руководством немца.

Вторая зона лагеря была предназначена для того, чтобы в ней раздевать догола привезенных для уничтожения людей. Я был в этой части лагеря только один раз, причем только в одном бараке, так что рассказать подробно, что из себя представляла эта часть лагеря, я не могу. Знаю о назначении этой части лагеря потому, что около ста пятидесяти человек работали там по сортировке вещей, отобранных у людей, подлежащих уничтожению. Когда я был в одном из бараков второй части лагеря, то я видел мешки с волосами людей – от работавших там я узнал, что перед уничтожением у женщин срезали волосы. Так же я видел очень много одежды, фотографий, документов уничтоженных людей. Я знал, что у людей отбирают ценности и деньги, и эти вещи и ценности немцы забирают себе. В третьей зоне лагеря происходило уничтожение людей. Как мне рассказывали, людей загоняли в специальные камеры, закрывали эти камеры и отравляли людей газом. Об этом мне говорили люди, которые содержались в Сабибуре более длительный срок, чем я. В частности один мой товарищ по имени Борух – польский еврей, участвовавший впоследствии в восстании, поднятом нами в лагере. Он говорил, что узнал это от одного из охранников лагеря. Я видел, что люди прибывают в лагерь и кто попадал в третью зону, тот оттуда уже не возвращался. В четвертой зоне немцы заставляли нас, восемьдесят человек, прибывших последним эшеленом, строить какие-то бараки. Та зона была расположена неподалеку от третьей зоны, где уничтожали людей, и мне неоднократно приходилось слышать крики и плач уничтожаемых людей и выстрелы.

Весь процесс уничтожения происходил следующим образом. Когда по железнодорожной ветке в тупик лагеря Сабибур прибывал эшелон с людьми, подлежащими уничтожению, то к этому месту шли немцы и охранники из русских и украинцев, служившие в лагере. Хочу сказать, что немцев в лагере было немного – человек двенадцать–четырнадцать офицеров, а солдат не было. Охранников из числа русских и украинцев было человек сто двадцать пять. В основном для охраны эшелона и конвоирования людей ко второй зоне лагеря использовались охранники из русских и украинцев, а немцы только руководили действиями охраны.

Что происходило в раздевалке, я сказать не могу. Знаю, что там людям предлагали раздеваться и идти в «баню», а затем их отправляют на работу. Люди верили, что их отправят помыться, и добровольно раздевались. Бывали ли случаи сопротивления со стороны прибывших во время раздевания, я сказать не могу, так как в этом лагере я находился непродолжительное время.

Из второй зоны людей направляли уже совершенно раздетых в третью зону, где были оборудованы специальные камеры с водопроводными кранами и даже тазиками, якобы для мытья. Однако все это было обманом, так как только лишь люди заходили в камеру, дверь закрывали и в камеру пускали газ, от которого люди задыхались.

Для разгрузки камер душегубок в третьей зоне Сабибура имелись специальные рабочие, набранные также из числа прибывших в лагерь эшелонами людей. Этих рабочих, как мне говорили, было человек тридцать. В чем конкретно состояли их функции, я не знал,

так как нам запрещалось свободно передвигаться по лагерю, но я слышал от других заключенных Сабибура, что они отвозили трупы удушенных людей на вагонетках, складывали в штабеля и сжигали. Я сам видел, что в третьей зоне лагеря круглосуточно горели костры и над лагерем стоял дым и смрад сгоревших человеческих трупов.

Между второй и третьей зоной лагеря находился небольшой двор, в котором находился крольчатник. Там работала одна голландская девушка, немецкая еврейка по имени Люка, с которой я часто встречался и разговаривал. Я немного знал немецкий язык. Эта девушка Люка мне рассказывала, что ей все время приходилось наблюдать, как раздетых догола людей ведут от зоны, где они раздевались, в третью зону. Она говорила, что там была какая-то дорога, огороженная колючей проволокой. Во время уничтожения охранники стояли с внешней стороны этой колючей проволоки, а внутри по проходу шли эти раздетые люди. Один раз, как она говорила, люди, по-видимому, поняли, что их ведут на смерть и не захотели идти по проходу к камерам. Они начали бросаться на ограду из колючей проволоки, однако, это восстание было быстро подавлено немцами и охранниками, которые многих людей убили.

Наша группа людей в это время работала в четвертой зоне лагеря, и мы слышали стрельбу и крики людей. Один из товарищей, работавших вместе со мною, предлагал воспользоваться этими событиями и бежать из Сабибура, тем более что когда на время, когда производилось уничтожение, немцы уменьшали охрану работавших в лагере, однако этот план побега был отложен.

Кроме того, постоянно находясь в четвертой зоне лагеря на работе, очень часто днем мне приходилось слышать крики людей, плач и страшные вопли, которые доносились со стороны третьей зоны лагеря. Эта зона была так близко от того места, где мы работали, что можно было рассмотреть черты лица охранника, стоявшего на вышке, имевшейся в третьей зоне лагеря. Иногда были слышны даже отдельные слова и возгласы. Причем я запомнил, что часто кричали на русском языке. Несколько раз я слышал детские крики: «Мама, мамочка!» Немцы, чтобы заглушить эти крики и чтобы окружающее лагерь население не узнало, что происходит внутри, завели на территории лагеря между третьей и четвертой зоной большое стадо гусей. Голов триста. И во время уничтожения заставляли заключенных гонять этих гусей, чтобы гуси своими криками заглушали человеческие стоны и вопли.

Как я узнал от заключенных Сабибура, в этот лагерь для уничтожения привозили людей из различных стран Европы, Польши, Голландии, Франции, Чехословакии и других стран. Так среди живых людей, использовавшихся на работах, были люди из всех этих стран. Лагерники говорили, что наш эшелон был первым эшелонам, прибывшим из Советского Союза, а затем, по-моему, все остальные эшелоны прибывали именно из Советского Союза. Хочу отметить, что в лагерь Сабибур прибывали не только лица еврейской национальности, но в нашем эшелоне и в нашем вагоне в Сабибур прибыло несколько человек русских, которые также были уничтожены в камерах душегубок. Такие же случаи бывали и в других эшелонах, ведь в СС-арбайтлагере возле Минска мы содержались вместе с русскими.

В Сабибурском лагере смерти после нашего прибытия нам удалось собрать людей, которые начали готовить и осуществили восстание в лагере, в результате которого большинству лиц, работавших в лагере, удалось бежать. Меня подпольная группа назначила руководителем восстания. План наш состоял в том, чтобы убить немецких офицеров, возглавлявших охрану лагеря, и, воспользовавшись тем, что охранники из русских и украинцев останутся без руководства, бежать из Сабибура. Первым был убит комендант лагеря Бэрк (но точная ли это его фамилия, я не знаю), а затем еще несколько немцев. Кроме того, во время выхода из первой зоны лагеря стихийно был убит один охранник из немцев Повол, и затем немец по фамилии, или по имени скорее, Франц открыл стрельбу из автомата. Однако нам удалось из лагеря бежать, так как восстание было очень неожиданным, то охранники не успели применить оружие, а из немцев осталось в живых два человека – Франц и еще один немец. Каких-нибудь действий со стороны охранников я не заметил. Сколько именно людей сбежало из лагеря и удалось ли всем спастись, я не знаю.

О восстании в лагере Сабибур Ростовское областное издательство опубликовало в 1945 году мою книжку под названием «Восстание в Сабибурском лагере», где я более подробно описал события, хотя и упустил некоторые факты при описании самого лагеря.

Хочу еще остановиться на организации рабочих, которые были в Сабибурском лагере. Во главе групп рабочих немцы поставили так называемых «капо» из числа этих же лиц.

Этим «капо», которых было всего трое – Шмидт, Бжецкий и по имени Геник, давали в руки плетки и заставляли избивать работавших людей. При этом Шмидт и Бжецкий проявляли большую жестокость к узникам и часто избивали нас. Прибегали ли немцы к помощи «капо» при уничтожении людей, мне не было известно. Возможно, что-нибудь такое имело место, но я не знал об этом. В лагере Сабибур существовала так называемая «банная команда» из числа заключенных и «капо», у них был Геник. Я считал, что их называют так потому, что они мыли вагоны после выгрузки людей, но эта команда также принимала участие при выгрузке эшелонов с прибывшими на уничтожение людьми. Они помогали прибывшим нести вещи, помогали дойти до второй зоны, где их раздевали. Возможно, они по указанию немцев и объясняли прибывшим, что они будут посланы в баню, а затем на работу, я этого сказать не могу, так как это мне не было известно. Могу твердо сказать, что в третью зону лагеря никому из рабочих доступа не было. Туда могли ходить только немцы и охранники. Больше того, однажды, когда мы работали в четвертой зоне, к нам пришел один из немцев, построил нас всех и спросил, нет ли среди нас электросварщика. В нашей группе никто не вышел, но немцы нашли электросварщика в другой группе рабочих и направили его вместе с тремя или пятью рабочими в третью зону для ремонта чего-то. В лагере шли разговоры, что сломался мотор душегубки. После того, как эти люди ушли в третью зону лагеря, их больше никто никогда не видел, и мы считали, что их тоже уничтожили.

Кроме того, однажды немцы отобрали восемнадцать человек больных и ослабевших из числа заключенных, проживавших вместе с нами, и также отправили их в третью зону, где их, конечно, уничтожили. Франц, о котором я упоминал еще раньше, говорил, что если рабочие будут болеть, то он их отправит в третью зону Сабибура. В тот день эшелон не прибывал, и наших товарищей, по-видимому, уничтожили одних. Нередко были случаи, что немцы подвергали избиению людей, били плетками и чем попало. Особой жесткостью отличался Франц и Гомерский, который хвастался тем, что убивал людей с одного удара, это мне рассказывали сокамерники».

Вопрос: Кого из состава немецкой охраны Сабибурского лагеря и из числа русских и украинцев-охранников вы помните и что можете рассказать об их деятельности в лагере?

Ответ: Помимо названных мною начальника лагеря Берга, Гомерского, Франца и двух братьев Плятт из немцев, служивших в Сабибурском лагере, я никого сейчас не припоминаю по фамилиям. В отношении этих лиц я могу сказать, что они зверски обращались с заключенными лагеря и принимали непосредственное участие в уничтожении людей, так как после прихода эшелона с обреченными на смерть людьми все немцы и свободные от внешней охраны охранники шли в третью зону лагеря, чтобы загонять людей в камеры душегубок. Что именно они делали в третьей зоне, я не видел, а то, что знал по рассказам узников Сабибура, я уже рассказывал.

Обслуживала лагерь Сабибур «Зондеркоманда СС», это я понял из того, что в четвертой зоне лагеря висела такая табличка. Вернее я вспомнил, что такая табличка висела где-то в другом месте, а над четвертой зоной была табличка «Норд-Лагерь». Из числа русских и украинцев, охранявших лагерь, то есть служивших в «Зондеркоманде СС», я никого по фамилии не помню, а разговаривать мне пришлось только с одним русским, который сказал, что он родом из Ростовской области. Мы тогда готовили восстание, и нас интересовало положение на фронте, с этой целью я затеял с ним разговор. Пока мы говорили, мои сообщники принесли золота и ценностей, чтобы вручить этому охраннику, чтобы он нас не выдал, если догадается, в чем дело. Это золото я ему отдал, а он пообещал принести и перебросить через проволоку продуктов, однако он с тех пор исчез, и больше я его не видел. Вообще, мы думали над вопросом, чтобы связаться с охранниками при поднятии восстания, однако мы побоялись провокации и делать этого не стали.

Охранники в лагере были одеты в немецкую военную форму зеленого или серо-зеленого цвета, но она чем-то отличалась от формы самих немцев. На вооружении у них были винтовки. Сколько среди них было немцев из Поволжья, я не знал. Я вообще узнал об этом только тогда, когда был убит один из таких немцев. Вообще я этого немца видел раньше в лагере и замечал, что вел он себя несколько отлично от других охранников, держался свободно, как хозяин, в то время как другие охранники были зависимы от немцев.

Вопрос: Знакомы ли вам фамилии охранников Шульц, Бородин, Рябека, Карплюк?

Ответ: Нет. О названных лицах я ничего сказать не могу. Возможно, они даже и были в Сабибурском лагере, и, может быть, я знал их в лицо, но фамилии охранников мне знакомы не были.

Вопрос: Какое количество эшелонов с обреченными на смерть людьми прибывало в Сабибур ежедневно, и можете ли вы примерно назвать число людей в каждом эшелоне?

Ответ: За то время, пока я находился в лагере Сабибур, почти каждый день прибывал эшелон с людьми на уничтожение. Этот эшелон по частям подавался в тупик Сабibuра и выгружался. Эшелоны прибывали почти каждый день и всего лишь несколько дней было, что эшелоны не прибывали. Если судить по нашему эшелону, в котором в каждом вагоне было по 70–80 человек и было не менее двадцати пяти вагонов, то получается, что в каждом эшелоне было около двух тысяч человек. Примерно такую же цифру называли люди из «банной команды» и работавшие на сортировке одежды заключенные. Во всяком случае, уничтожение в Сабибуре шло массовым порядком, и за короткий срок, пока мы там находились (я имею ввиду лиц, прибывших вместе со мною), было уничтожено не менее двадцати тысяч человек.

Допрос велся с перерывом от 13.05 до 14.15. Окончен в 17.00.

Протокол с моих слов записан правильно, мною прочитан. Печерский

Допросил: следователь следотдела КГБ при СМ УССР старший лейтенант Логинов.

UDC 93

Alexander Pechersky Testifies: an Open Page of Sobibor Death Camp History

Lev S. Simkin

Russian Law Academy, Russia
Doctor of Law, Professor

Abstract. Here, the author introduces the interrogation of the witness Alexander Aronovich Pechersky, the leader of the German death camp Sobibor Revolt during the World War II. Special attention is attached to the daily life of the death camp. The picture of revolt preparation was completed.

Keywords: Alexander Pechersky; death camp; Sobibor; World War II; Jews.